

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
Г83

Григорий, Марк.

Г83 Четыре времени ветра/ Марк Григорий. — Москва: Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Городская проза).

ISBN 978-5-17-117856-7

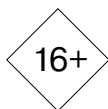
Сборник стихов и прозы Григория Марка, писателя-эмигранта, родившегося в Ленинграде в 1940 году, не для людей с тонкой нервной организацией, не для впечатлительной молодежи и не для убежденных патриотов. Она для тех, кто вслед за лирическим героем готов постичь «искусство вычитания живого из мертвых текстов и воспоминаний» и окупиться в темную, мрачную, полную боли, одиночества и тяжелых воспоминаний вселенную автора.

УДК 821.161.1-821
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

Литературно-художественное издание

әдеби-көркемдік баспа

СЕРИЯ «ГОРОДСКАЯ ПРОЗА»

Марк Григорий
ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ВЕТРА

Руководитель проекта *И. Воеводин*
Ответственный редактор *О. Лифинцева*
Выпускающий редактор *Е. Арефьева*
Художественный редактор *А. Воробьев*
Верстка *В. Брызгаловой*
Корректоры *Н. Гринчик*
Технический редактор *Е. Кудиярова*

Подписано в печать 16.01.2020. Формат 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура HeliosCond. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 26,80. Тираж 1000 экз. Заказ №

Произведено в Российской Федерации. Изготовлено в 2020 г.
Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2018); 58.11.1 — книги печатные.

Изготовитель: ООО «Издательство АСТ».
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д.21, строение 1, комната 705, пом. 1, 7 этаж.
Наш сайт: www.ast.ru E-mail: astpub@aha.ru

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, Жұлдызды ғұлзар, үй 21, 1 қурьылым, 705 белме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru • Интернет-магазин: www.book24.kz • Интернет-дүкен: www.book24.kz
Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасынадағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.
Дистрибьютор и представитель по приему претензий на продукцию в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92. Факс: 8 (727) 251 58 12, вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Өндірген мемлекет: Ресей

ISBN 978-5-17-117856-7

© Текст. Марк Григорий, 2020
© Оформление. ООО «Издательство АСТ» 2020

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ВЕТРА

...и соберут избранных Его
от четырех ветров.

ЗИМА

Маленький, обозленный ветер — не ветер даже еще, а поветрие, первое поветрие наступающей стужи — зернистую изморозью стягивал растрескавшиеся губы, тугой холодной спиралью пеленал, обматывал голову. Расплющивал слезы в хрупкие пластинки, вдавливал их обратно в глаза.

Этот день был горящим ручьем в черно-белой зиме 56-го, ручьем из зажженных свечей, сливавшихся в длинное пламя.

Выходили без шапок, растерянные, потные, из темной часовенки в расплывы тусклого солнечного света, размноженного миллионом снежинок. Идти было трудно, земля выгибалась, скользила у них под ногами. И прозрачный звон качался в расщелинах неба, заросшего льдом.

Из узкого прямоугольника двери под куполом с перебитым крестом било пламя. Стекало по ступенькам, усыпанным солью с опилками. Переливалось, змеилось по угреватому от фабричной копоти насту между иероглифами хрустальных сучьев, между стершихся позолоченных слов на плоских камнях и упиралось в другой, страшный прямоугольник, обведенный жирною рамою из желтых комьев. Четверо бородатых, со сверкающими,

стеклянными лысынами, стояли по углам, расставив ноги и тяжело опираясь на воткнутые в землю заступы.

Красный граненый ящик, словно кусок спрессованной крови, проплывал над горящим ручьем. У тех, что шли впереди, пылали отмороженные лица. Холод, спустившийся с неба, тонкими иглами входил в их тела, ломался в промерзших венах. Тени цеплялись друг за друга, опускались на дно, белое дыхание идущих — видимая часть притаившихся душ — висело над ними.

И нахохлившиеся грачи, веками охраняющие здесь каменные плиты, смотрели на них в упор, вцепившись в чугунные ограды трехпальными когтистыми лапами.

Они шагали, наполненные скорбным бесчувствием, — так и будут они теперь шагать через всю мою жизнь, — с трудом отдирая от изъеденных ржавчиной решеток мгновенно примерзавшие к ним голые зрачки. Вытягивали перед собою разбухшие рукавицы, в которых бились рваные клочья огня, не дававшего света. И молчание их было как обледеневший наст, застилавший, выравнивающий землю вокруг.

Последним брел, тяжело спотыкаясь о корявые тени, торчавшие из снега, шестнадцатилетний человек в беззащитно коротком драповом пальтишке. У него еще не было ни знания, ни памяти. От камней с позолоченными словами — словами, слишком большими для жизни, — шел тихий свет, и те, кто лежали под ними, опускались все глубже в холодную почву. Завывал, раскачивая пламя в руках, голосил уныло и страстно сразу со всех сторон порывистый ветер. Острыми кристалликами снежного солнца царапал щеки, обжигал, застревал хрипеньем в простуженном горле.

Тело его продолжало идти по скользкому насту, но сам он продолжал стоять неподвижно в часовенке с забитыми окнами, стиснутый многоголовою распаренною толпою. Перед взором его качались согнутые спины, но видел он лишь раздувшееся лицо с подвязанной челюстью на белом атласном изголовье. И лицо это было как сургучная печать на ящике, увитом металлической зеленью с черными лентами. Одинокая лампочка свисала на голом шнуре. И выше, по куполу, написано было над нею: «Буду плакать я перед Господом». Дремучий священник, окруженный густою безблагостной тишиною, скороговоркой отпускает душу. Кладет в ладонь уходящему дощечку с разрешительной молитвой. Тоненькая страдальческая жилка бьется у него на шее. Серебристая тень промелькнула над только что заколоченным ящиком — и исчезла сквозь невидимую щель в куполе. Намертво зажав в кулаке свою подорожную, плывет к выходу незнакомое тело, ограненное красными досками. Плывет туда, где должно истончиться, исчезнуть все бывшее плотью.

Ручей и внутри него сгорбившийся человек в драповом пальтишке, без шапки, с волосами, поседевшими от инея, стекали в широко распахнутую дверь, обозначенную желтыми, со слюдяными прожилками комьями. Не в дверь даже, а в дверной проем, который охраняли четверо вооруженных огромными заступами стражников в замызганных ватниках с торчащими из карманов бутылками.

Над ровным, будто гашеною известью выжженным полем, над плитами, облицованными инеем, плыл воздух, хранивший форму красного ящика. Светился скол тусклого неба, наполненный оловянным солнцем. Голо-

сил, надрывая связки, метался зигзагами ветер. И окаменелый дым из кирпичной трубы, правильной безнадежностью проткнувшей насквозь горизонт, стелился вдали над городом, над краем всего, что было.

Не могу понять, почему даже сейчас, через столько лет, мне становится так одиноко, когда вспоминаю об этом?

Шли, нагруженные бутылками, по прозрачному лесу, раздвигая густой частокол из солнечных лучей и смахивая с лица паутину. И женщина, в теле которой жил ребенок, шла вместе с ними. Вокруг шелестели березы, гордо выпячивали перед ними свои зеленые животы на запеленутых черно-белою берестою стволах. Серебристая веселая речка плавно кружилась среди белобрсых лопухов, хвощей и крапивы, обнимала блестящими излучинами валуны. И журчание речки казалось прерывистой речью — захлебывающейся речью недавно воскресшего леса.

Расположились на лужайке, окруженной кустами, у самого берега Медного озера. Его белая кромка и выросшие камышами топи были уже оплавлены утренним солнцем. На маслянисто-темной воде уютно плескались цветные пластинки. Одинокая лодка без гребца и без весел качалась в покрытом патиной купоровом зеркале между сбившимися в тучи клочьями тьмы. Над ней, как одноглавый герб в толще балтийского неба, парил, распластав свои хищные крылья, неподвижный ворон.

Расстелили клеенку, бутылки расставили, открыли консервы. Чьи-то голые руки бросали сверкающий хвост в костер, с ворчливым кряхтеньем и оханьем воровавшийся с боку на бок. Постреливали во все стороны

красно-синие головешки. Мне они казались обугленными кусками фраз, которые я повторял про себя, пока они не сгорели и я не выбросил их в этот костер. Слышно было, как подбираются к клеенке ветвистые тени в дымных одеждах, как подминают они на своем пути белые взрывы одуванчиков, переплетенные темные запахи вереска и влажных корней.

Уселись, неторопливо раскуривая в пригоршнях предстоящее молчание. Словно чувствовали уже ту боль, которую я не успел еще причинить. Женщина, в теле которой жил ребенок, сидела рядом со мною. Жужжащий нимб мошкары проступил над ее головой. И я не мог к ней прорваться сквозь сгущавшуюся тишину.

Чувство вины и моя неуклюжая благодарность смешивались с беззаботным нетерпением перед тем, что должно наступить всего через несколько дней. Так, наверное, верующие в последний момент перед смертью, забывая о прошлом, ожидают вступления в подлинную жизнь.

Тень державного ворона проплыла по мокрой лужайке. Кусты орешника и бузины, окропленные солнечными оспинками, похрустывали вывернутыми суставами. Расправляли лениво свои набухавшие соками ветви. Гладили ветер листья-ладони. Промерзшая чернота, накопившаяся за зиму в капиллярах, трубчатых перепонках, волокнах, высветлялась, выступала наружу тугими фиолетовыми припухлостями почек. Сплошная, тяжелая зелень с прочерченными внутри ее бирюзовыми стеблями мелко тряслась. И только один ярко-красный листок на самом верху, словно орден победы над прошедшей зимой, висел неподвижно.

Метались в клевере мухи, шмели, свисали с ветвей на невидимых нитях бледно-зеленые гусеницы. В траве, разделившейся на миллионы ярких острых травинок, сворачивался крохотными радугами утренний свет, еще не успевший отделиться от тьмы. Мерцали, переливались только что рожденные в росе головастики, личинки, инфузории. Великая безмолвная оргия взаимного оплодотворения творилась в зелени.

Но женщина, в теле которой билось два сердца, ничего этого не замечала. Она сидела с граненым стаканом в руке и, не отрываясь, смотрела в костер, словно что-то очень важное сейчас в нем догорало. Отблеск пролившегося вина стекал по губам. Я подумал, что глаза ее были слишком большими для лица.

Вдруг она неслышно произнесла мое имя. Я оглянулся — и, будто тупым напильником, по душе полоснуло воспаленною нежностью только что вскрывшихся почек. Вязкая густая тишина снова сомкнулась над моим именем, как болотная вода над камнем, идущим ко дну. И я то ли сказал, то ли подумал: «Обязательно напишу... сразу же...»

Молодой, неумный ветер — добрый дух оживших от зимней спячки кустов — носился по лужайке, перемешивал вокруг нее крошево бликов и дрожащих радуг в росистой траве. Клейкие листики, просвечивавшие пульсирующей белизною, легко касались друг друга, замирали и снова разбегались, точно играли в свои зеленые пятнашки. Наблюдали за игрой, чинно рассевшись по веткам, усатые бабочки-однодневки, синие стрекозы, шелковые мотыльки, ошалевшие от солнца. Все это надо было запомнить. До мельчайшей детали. До прозрачных, с красными прожилками, крыльев-лепестков, аккуратно

сложенных кверху. Не додумывая ни единого кружка на спине у божьей коровки, неторопливо ползущей по рукаву.

Не так-то просто будет привыкать к пустыне.

Я слышал дыхание женщины, сидевшей рядом, слышал ее влажный голос, но не понимал, что она говорит. Моя пустая телесная оболочка находилась среди живых кустов и радуг, рассыпанных в солнценосной траве, на берегу мреющего в утреннем свете озера. А сам я, уже отрешившись от прожитого времени, отрешившись от тяжести тела, поднимался в прозрачные горы. Закон всемирного тяготения — так же, как и все остальные законы страны, где я раньше жил, — здесь не соблюдался. Душа во весь голос пела от счастья, хотя и немного фальшивила. За все эти годы слух у нее так и не развился, да и мелодия была слишком трудной. А слов я не знал.

Вешний ветер, взметнувшийся следом за мною с лужайки, указывал путь. И нижний край неба расступался, как Красное море. Моя тяжело дышавшая тень наливалась темнотою, становилась все короче и все уродливее, забегала вперед, пыталась о чем-то предупредить. Потом опять начинала суетиться, петляла под ногами, замирала и терлась плоским телом своим о ветер.

И вот я достиг перевала. Далеко на юге проступила в небе узкая полость, похожая на внимательно прищуренный глаз без лица, поджидавший, когда я его наконец-то замечу. Потом вздрогнули жгуты свалевшихся туч и разлепились огромные веки. Медленно выгнулась синяя кайма зрачка, и в зенице небесного ока я увидел сквозь воздух, струящийся от жары, двухэтажные домики

с плоскими крышами, огражденные низкими красными кустарниками, пологие купола, холмы, просвечивающие сквозь друг друга, и за ними пустыню, сияющую миллионом зернышек света, — голое тело обетованной земли. И время пошло. Медленно, как нигде, но пошло. Моя судьба начинала сбываться.

...достигнув перевала, продолжай восхождение... к себе, от земли своей, от друзей своих, от дома своего... в пустыне пути приготовьте...

Еще одна размытая длинная тень, незаметно выросшая за спиной, упрямо цеплялась за камни и тянула назад.

Небесный зрачок подмигнул неожиданно мне, как будто сообщнику, — потерпи еще несколько дней — и снова стал мутным, подернулся красною пылью. Горячий рассыпчатый свет пустыни сталкивался с обманчивым блеском Медного озера. Столб из двух перевитых свечений поднимал стремительно и бесшумно позолоченные тучи, сгрудившиеся над перевалом, расплющивал их по низкому небу. Светлый купол выгнутых туч, очерченный со всех сторон горизонтом, расширялся. И все, что я видел внутри, теперь было связано ритмом, ритмом дыхания и слов, ускользающим и возникающим снова, прерывистым ритмом, стучавшим в моей голове.

Перед тем как уйти, вытер тыльной стороной ладони струившийся пот и заставил себя оглянуться. Весь оком разделился на половины. В одной колыхалось от края до края расплывшейся акварелью зеленое листвие, перерезанное сияньем берез и, внутри него, плавно изогнутой речкой, всю другую половину заполнило Медное

озеро. И лодка, как прежде, плыла в рябом купоросовом зеркале.

И там, где листовые изгибами сливалось с кромкой воды, проступила знакомая мне лужайка. На ней путеводный ветер, успевший уже протянуться сквозь обе мои непрожитые жизни, кусочек огня оторвал от костра и чиркнул им по траве. Осветились кусты, грозно шевелившиеся всеми своими ветвями. Теперь они были похожи на косматых зверей со вздыбленной шерстью, стоящих, опустив головы, на задних лапах за спинами моих друзей. Взметнулись мертвые запахи сигаретного дыма, чьи-то приглушенные голоса, отблески изумрудных бутылок. Оживить их не удавалось. Я был далеко.

От ветра глаза стали слезиться, и я наконец разглядел — сквозь слезы всегда виднее — среди расплывавшихся неопалимых кустов красно-белый квадратик клеенки, себя, свое одиночество, которое, точно побитая собака, крутилось рядом, заглядывая в глаза мне, и всех своих близких — даже тех, кого не было с нами тогда, — с поднятыми стаканами в руках.

Лиц их уже было не разобрать. Но я знал, что сейчас они справляют поминки. Поминки по мне. И свет понемногу уходил.

Женщина с искрящимся нимбом мошкары над головой сидела отдельно, обхватив руками лицо. И я знал, что большеголовый ребенок, которого никогда не увижу, растет в ее теле.

Сизое пятно, проступившее прямо над луною, стремительно разрасталось, темнело, превращалось из безобидной тучи в распростертые крылья черного архангела. Крылья вздымались и опускались снова, разгоняли в асфальте расплющенные вееры горячих пальмовых теней, все плотней накрывали своим серебристым исподом город, застывший в изнеможении от духоты.

Ветер к земле прижимал налитую грозным шуршанием плоскую крышу. До блеска вылизывал сотней шершавых своих языков. Бормотал заклинанья, обсасывал, одну за другою, каждую из мерцавших антенн. Тщательно, чтоб ни единой частицы грязи, принятой из эфира, на них не осталось, вытирал обрывками мокрых газет. И осипшие птицы воздуха, раскрыв свои длинные клювы, носились между хлопающими газетными листами.

Светопреставление началось ветвящимся спазмом в груди архангела, во взлохмаченной завязи между сросшихся крыльев. Небосвод раскололся беззвучно на две неравные части, и молниеносная трещина впилась острым концом в далекие болота.

Белая волна света хлынула в комнату и окатила меня с головой. Стена за спиною колыхалась, как занавеска от ветра.